№ 86. ВОСКРЕСЕНЬЕ 25 АПРѢЛЯ 1899 ГОДА № 86.

ГОДЪ XVIII. # ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ГОДЪ XVIII.

ТОМСКЪ Библіотекѣ Университета 1292

Подписная цѣна: въ Россіи за годъ—9 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяцъ—1 руб.; заграницу за годъ—12 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣсяца—3 р. 75 к., за одинъ мѣсяцъ—1 р. 40 коп. Отдѣльные №№ по 5 коп. При газетѣ издается „Сибирской Обозрѣнія" Цѣна 2 р. въ годъ. Объявленія по 10 к. за строчку петита на 4-й страницѣ и 20 к. на 1-й страницѣ.

Отд. № 5 к. ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ТРИ ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКОВЪ. Отд. № 5 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: въ Америки, Европы и городовъ Европейской Россіи, за исключеніемъ губерній Пермской, Уфимской, Оренбургской, Казанской, Саратовской, Самарской, Симбирской и области Уральской принимаются исключительно въ конторѣ Т. Д. Л. Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая и въ его отдѣлен. въ С.-П. Б. Морская № 11, по 15 к. за строку позади текста и 30 к.—впереди.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ: Большая ул., д. Задорожнаго, рядомъ съ конц. магаз. Мясуниной. Контора для пріема объявленій и обмѣна, открыта отъ 8 до 3 ч. дня.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Спасо-Лѣтописная, домъ соборнаго причта. Для личныхъ объясненій редакціи открыта кромѣ праздниковъ ежедневно до 10 час. утра и по четвергамъ отъ 2 до 4 ч. дня. Телефонъ № 129.

ЗАВОДЫ ВЪ РИГѢ
РУССКОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „УНІОНЪ"
ПРАВЛЕНІЕ: СПБ. Почтамтская № 12 Телефонъ № 2600
Электрическое освѣщеніе въ ГОРОДАХЪ, ЗАВОДАХЪ и проч.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ТРАМВАИ
и подъѣздные пути по системѣ ТОМСОНЪ-ГАУСТОНЪ
Главные представ.: фирмы ОЛЬШЕВИЧЪ и КЕРНЪ въ Варшавѣ, Сельцахъ, Ніевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Екатеринославѣ.
Отдѣленіе: Москва Мясницкая, домъ Кеппена
Адресъ для телеграммъ „УНІОНЪ"

Иркутское Отдѣленіе Сибирскаго Торговаго банка доводитъ до свѣдѣнія, что въ Сретенскѣ открыто отдѣленіе Сибирскаго Торговаго банка, которое, начиная съ 12-го апрѣля и. г., будетъ производить всѣ операціи, дозволенныя уставомъ этого банка. 1098—3—2.

26 апрѣля въ 4 часа дня, въ Иннокентіевскомъ матеріальномъ складѣ назначается
АУКЦІОННАЯ ПРОДАЖА
конторской мебели, лабораторныхъ принадлежностей и проч.
Завѣдывающій складомъ П. Митюринъ. 1017—1.

ИЗВѢСТНЫЕ ЛОНДОНСКАГО РОЗЛИВА
Портеръ и Эль
ФИРМЫ A. LE COQ
только тогда настоящіе и неподдѣльно, если бутылки снабжены этикетами, утвержденными Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ въ С.-Петербургѣ, и длинными красными капсюлями. 1018—2—1.

ТОВАРИЩЕСТВО СПИЧЕЧНАЯ ФАБРИКА „СИВИРЬ"
П. С. ПАРШАКОВА
извѣщаетъ, что спички его фабрики продаются по 6 руб. 20 коп. ящикъ 100 ящиковъ. Оптовымъ покупателямъ скидка. Обращаться къ П. С. Паршакову въ Иркутскѣ, Харагунскости—собственн. домъ. 1018—6—1.

ДОКТОРЪ МЕДИЦИНЫ
Г. Л. ЮДАЛЕВИЧЪ.
Кожныя, венерическія и мочеполовыя болѣзни.
Пріемъ отъ 8—11 ч. утра и отъ 3—5 ч. вечера. Зѣрновская ул., д. Корпосенко.

ГОРНЫЙ ПРАКТИКЪ
производитъ разсѣдки золота, устраиваетъ машины, водопроводы.
ЖЕЛАЕТЪ ПОЛУЧИТЬ МѢСТО
2-я Солдатская, д. Серебренниковой, № 4, кв. 1-я. 1006—3—1.

КАЗАНСКАЯ ЗУБОВРАЧЕБНАЯ ШКОЛА
Пріемъ прошеній на имя д-ра О. Н. Натансона съ 15-го мая 1899 года. 955—3—3.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
СЕЗОННОЕ ПИВО
завода „БАВАРІЯ" Ивана Серебрякова, въ Иркутскѣ,
„EXPORT BIER".
ДОСТАВКА ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ.
Телефонъ № 186-я. 920—10—10.

ЗУБОЛѢЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ
С. Г. ПИСАРЕВСКОЙ.
6 Солдатская, д. Шточкиъ, второй домъ отъ Большой улицы.
Пріемъ больныхъ возобновленъ. 355—26.

Кое-что о лѣсныхъ надѣлахъ при поземельномъ устройствѣ въ Иркутской и Енисейской губ.

Съ прошлаго 1898 года начались работы по поземельному устройству крестьянъ и инородцевъ губерній: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ 4 іюня 1898 года.

Такъ-какъ при составленіи послѣднихъ нельзя было предусмотрѣть всей массы случаевъ, съ которыми придется столкнуться на практикѣ, то въ настоящее время, по слухамъ, вырабатывается инструкція, которая должна разрѣшить и разъяснить недоразумѣнія, явившіяся при практикѣ одного года.

Отличительной чертой настоящаго землеустройства является то, что крестьяне за пользованіе землей будутъ платить оброчную подать, а за лѣсной надѣлъ—лѣсной налогъ, тогда какъ въ Европейской Россіи надѣлы предоставлены крестьянамъ въ собственность на правѣ выкупа. Не говоря о поземельномъ устройствѣ вообще, остановимся пока только на лѣсныхъ надѣлахъ.

Цѣль лѣсного надѣла — удовлетворить по возможности потребность сельскаго общества въ лѣсномъ матеріалѣ. Потребность эта для жителей Восточной Сибири вполнѣ удовлетворялась до 1895 года, т. е. до того года, когда всѣ лѣсныя пространства Восточной Сибири (Иркутское Генералъ-Губернаторство) были въ свободномъ пользованіи мѣстнаго населенія. Въ 1895 году лѣса, имѣвшіе почему-либо важное значеніе для казны, были изъяты изъ свободнаго пользованія, съ образованіемъ изъ нихъ заказниковъ. Отпускъ лѣса изъ такихъ заказниковъ производился за наивысшую поценную плату. Да изъятія изъ свободнаго пользованія топоръ крестьянина безпрепятственно ходилъ куда ему вздумается или гдѣ ему было необходимо. Теперь-же во многихъ случаяхъ въ пользованіи крестьянъ остались только лѣса, находящіеся среди ихъ земельныхъ угодій. Такимъ образомъ, изъятіе это явилось ограниченіемъ довольно сильнымъ, отводъ-же лѣсныхъ надѣловъ при поземельномъ устройствѣ поселянъ долженъ еще больше ограничить свободу, направить крестьянина въ лѣсъ, отведенный въ пользованіе обществу, къ которому этотъ крестьянинъ принадлежитъ, да еще съ оговорокъ, что рубить больше опредѣленнаго количества нельзя.

Если имѣть въ виду лѣсные надѣлы, отведенные при поземельномъ устройствѣ въ Европейской Россіи, то нельзя не признать, что они совершенно недостигли цѣли. Извѣстно, что если крестьянское общество въ самомъ благопріятномъ случаѣ получало вполнѣ сохранившійся лѣсной надѣлъ, то чрезъ короткій промежутокъ времени онъ оказывался очень часто не только истощеннымъ, но и уничтоженнымъ. Еще хуже, если надѣлъ состоялъ изъ молодыхъ насажденій, которыя нужно было еще растить.

Въ результатѣ, такъ или иначе, находило, что чрезъ короткій промежутокъ времени лѣса во многихъ случаяхъ были уничтожены и населеніе оказалось вовсе необезпеченнымъ лѣснымъ матеріаломъ. Само собою разумѣется, что было-бы крайне важнымъ избѣжать въ Сибири тѣхъ отрицательныхъ результатовъ, которые обнаружились въ Европейской Россіи. Если лѣсной надѣлъ отводится съ цѣлью обезпеченія потребности сельскаго общества лѣснымъ матеріаломъ, то, конечно, нужно, чтобы эта цѣль дѣйствительно была достигнута при данныхъ условіяхъ жизни сибирскихъ сельскихъ обществъ.

Просматривая тотъ отдѣлъ правилъ 4 іюня 1898 года, который касается отвода лѣсныхъ надѣловъ, видимъ, что „въ составъ лѣсныхъ надѣловъ включаются сплошныя, занимающія довольно значительныя площади, насажденія, расположенныя среди земельныхъ угодій крестьянъ и инородцевъ... а равно и ближайшіе къ селеніямъ казенные лѣса" (ст. 51). Не вдаваясь пока, въ разборъ того, что считать сплошными значительными пространствами и ближайшими казенными лѣсами, можно сказать утвердительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Восточной Сибири, гдѣ лѣса изъяты изъ свободнаго пользованія не болѣе 5 лѣтъ тому назадъ, лѣсныя пространства среди земельныхъ угодій и ближайшіе казенные лѣса не представляютъ собой хорошаго лѣса и по большей части истощены, особенно тамъ, гдѣ селенія существуютъ давно. И причина этому весьма понятна: крестьянину не было разсчета ѣздить за нѣсколько верстъ, когда нужный лѣсъ у него былъ подъ окномъ. Эта истощенность лѣсовъ доказывается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Восточной Сибири въ настоящее время населеніе ѣздитъ за необходимымъ ему лѣсомъ верстъ за 50—150, несмотря на то, что въ разстояніи 2—3 верстъ отъ селенія имѣются лѣсонасажденія, представляющія изъ себя обыкновенно молодняки. Такимъ образомъ, по правиламъ 4 іюня 1898 года, населенію придется отводить очень часто истощенные лѣса.

На каждую наличную мужскую душу предположено отводить не болѣе 3 десятинъ. „Въ случаѣ (ст. 53) недостатка лѣсовъ, нужныхъ для отвода въ лѣсной надѣлъ, послѣдній можетъ быть отводимъ и въ меньшемъ противъ 3-хъ десятинъ размѣрѣ. При отсутствіи указаннаго (въ ст. 51) рода лѣсовъ, лѣсные надѣлы не отводятся".

Отсутствіе въ правилахъ точнаго указанія на то, какіе лѣса считать ближайшими казенными лѣсами, можетъ повести къ тому, что нѣкоторыя селенія не получатъ вовсе лѣсного надѣла. Казалось-бы, что таежный (казенный) лѣсъ, служащій для многихъ селеній источникомъ лѣсныхъ матеріаловъ и отстоящій отъ селеній въ 50—150 верстахъ, нельзя считать ближайшей казенной лѣсной дачей, но во-1-хъ, если ближе этого разстоянія казенного лѣса нѣтъ, то онъ будетъ, конечно, ближайшимъ; во-2-хъ, при громоздкости лѣсныхъ матеріаловъ, ближайшимъ лѣсомъ очень часто слѣдуетъ считать не тотъ, который ближе всего находится по разстоянію, а тотъ, пути сообщенія съ которымъ удобнѣе: для многихъ, напримѣръ, селеній, лежащихъ на сплавныхъ рѣкахъ гораздо легче доставить сплавомъ лѣсъ за 100—200 верстъ, чѣмъ везти его за 15—30 верстъ гужемъ, что и наблюдается въ дѣйствительности. Исходя изъ этихъ соображеній, таежный лѣсъ, хотя-бы и отстоящій на разстояніи 50—150 вер., разъ населеніе пользуется изъ него лѣсомъ, долженъ быть признанъ ближайшимъ.

Противъ отвода надѣловъ обществамъ въ тайгѣ выставляется то возраженіе, что общество должно охранять лѣсной надѣлъ и удаленность его отъ селенія сведетъ охраненіе къ нулю. Не говоря объ организаціи надзора, нужно замѣтить, что охрана таежныхъ надѣловъ не представитъ трудности въ силу той-же удаленности отъ населенныхъ мѣстъ; съ другой стороны, крестьяне ѣздутъ въ лѣсъ обыкновенно въ свободное отъ полевыхъ работъ время, а тогда и охрана легка, такъ-какъ общество не позволитъ другому рубить не принадлежащій ему лѣсъ.

Говорить о томъ, что выгоднѣе населенію: покупать-ли готовый матеріалъ на рынкѣ или ѣздить самому за нимъ въ лѣсъ, не приходится, такъ-какъ если оно ѣздитъ въ настоящее время въ тайгу, то значитъ это для него выгодно.

Такимъ образомъ, если таежныя пространства не считать ближайшими къ селенію казенными лѣсами, то многія сельскія общества или совершенно останутся безъ лѣса, или-же получатъ такіе надѣлы, изъ которыхъ въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, вслѣдствіе истощенности лѣса, будутъ лишены возможности пользованія.

(Окончаніе будетъ).

Сибирскіе очерки.

Провинціальная газетная работа, занятая по необходимости желаніями житейскими фактами, въ силу той-же причины заставляетъ сплошь и рядомъ касаться опредѣленныхъ лицъ. Непріятное само по себѣ это занятіе, становится настоящей пыткой, когда разоблаченія въ концѣ концовъ оказываются ошибочными или, что еще хуже, злостно ложными. Считаемъ своимъ долгомъ поправить одну изъ такихъ нелѣпыхъ ошибокъ.

Въ № 74 „В. О." нами перепечатано было сообщеніе „Енисея" о дѣяніяхъ писаря Маевскаго. Теперь мы получили письмо, за подписью извѣстныхъ редакціи лицъ, которое и помѣщаемъ въ его существенной части.

„Мы,—говорятся въ письмѣ,—имѣли возможность основательно познакомиться съ людьми и отношеніями здѣшней жизни и на основаніи этого заявляемъ:

„1) Что г. Маевскій не былъ сосланъ за подлогъ, какъ это утверждаетъ авторъ корреспонденціи въ „Енисеѣ"; 2) г. Маевскій никогда не служилъ аферистомъ у почтенныхъ инородцевъ и, вообще, не могъ какъ-бы сказать свои способности, проявившіяся гораздо позднѣе, какъ мѣстоимѣ; 3) ни въ Мальковѣ, ни въ Барановѣ г. Маевскій никогда не открывалъ лавокъ; и 4) вѣтъ, основательно, ни одного факта, свидѣтельствующаго, что г. Маевскій дѣлалъ-бы какіе-нибудь злостные или близкіе отношенія къ дѣйствительности. Установить, такимъ образомъ, на основаніи какихъ фактовъ, противъ него были выдвинуты эти вопіющія, клеветы, какъ-бы ни подозрѣвали, если-бы не то обстоятельство, что въ Барановѣ живетъ и жилъ одинъ только человѣкъ, носящій эту фамилію".

Съ своей стороны мы считаемъ нужнымъ заявить, что г. Маевскій знакомъ и нами только съ хорошей стороны и мы ни въ какомъ случаѣ не отнесли сообщенія къ нему.

Авторы письма приносятъ корреспонденцію лицу,

„обязывающему при посредствѣ печатнаго слова свои темныя дѣянія и этимъ-же путемъ ликвидирующему свои личныя симпатіи. Люди этой категоріи хорошо понимаютъ всѣ интересы жѣнности французской поговорки: Calomnies, calomnies! Il en restera toujours quelque chose!" Въ данномъ случаѣ корреспондентъ г. Маевскій тѣмъ болѣе становится покушительскимъ, что не прежде противъ человѣка, который уже около 10 лѣтъ пользовался неплохимъ положеніемъ въ кровати и слишкомъ дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ".

Каяться, такъ каяться: за одно здѣсь же мы принесемъ повинную и Господину Николаю Егоровичу Глотову. Наша же вина состоитъ въ слѣдующемъ. Однажды въ редакцію явился субъектъ, называвшійся бывшимъ слушателемъ народоста г. Глотова, и представилъ намъ опроверженіе на корр. изъ Киренска въ № 41 „В. О." Документъ доставилъ субъектомъ „предсѣдатель" и подписанъ нѣсколькими рабочими. Орѳографія, стиль, тонъ и содержаніе были такъ необыкновенны, что до полученія справокъ мы поѣхать не могли, а субъектъ ждать не хотѣлъ. Мы возвратили ему подписанный, снявъ для себя копію, одну изъ которыхъ и отослали нашему Киренскому корреспондентъ. Теперь мы получили требуемыя свѣдѣнія, которыя подтверждаютъ, что опроверженіе подписано дѣйствительно рабочими, и мы даемъ ему мѣсто.

„Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Извините насъ, что мы, живемъ въ Нашъ рядъ—борзовинцевъ и Васъ, быть можетъ, этимъ оскорбляемъ, но что вожлѣаешь, зарабатывая свой насущный хлѣбъ, въ грязной заскленной одеждѣ,—зубиломъ и молоткомъ, мы себя обижать никому не дозволимъ, а потому обращаемся къ Вамъ, г. редакторъ, съ покорнѣйшей просьбой напечатать настоящее письмо въ одномъ изъ ближайшихъ №№ Вашей газеты. Дѣло вотъ въ чемъ: сего 2-го марта, въ 10 часовъ утра, приносятъ съ почты къ намъ въ мастерскую 41-й номеръ „Восточ. Обозрѣнія"; въ ней оказывается статья изъ Киренска, крайнѣ не справедливая, задѣвающая не г. Глотова, а насъ, труженниковъ, что невольно заставляетъ брать въ неуклюжія мозолистыя руки перо и строчить,—чему мы совершенно не привыкли. Господина Николая Егоровича Глотова знаемъ мы всѣ гораздо раньше его народства, что этотъ человѣкъ не капиталистъ, а такой же труженикъ, какъ и мы грѣшные, сему бабушка не вороженка; а благодаря неусыпному труду и непоколебимой энергіи всей жизни, составилось дѣло, которое даетъ возможность зарабатывать и намъ, чему мы ему весьма много благодаримъ. Статья-же, помѣщенная Вами въ № 41, написана, какъ будто, какъ нарадъ изъ насъ, годовыхъ трудженниковъ дѣла производится—подчиненцы-же не въ какомъ случаѣ не могутъ писать подобное, такъ-какъ они бываютъ всегда разсчитаны по субботамъ на чисто. Намъ-же обыкновенно выдаютъ сколько нужно перваго числа каждаго мѣсяца, если-же что нужъ понадобится посреди мѣсяца, то берешь записки на полученіе изъ городскихъ лавокъ; окончательный-же разсчетъ получаемъ 1-го октября каждаго года начисто, поэтому у очень многихъ изъ насъ есть небольшія сконденіи денегъ, которыя для храненія сдаемъ на книжки въ казначейство. А то, что говорится въ статьѣ о выдачѣ хлѣба только по одному пуду на каждаго, это мы считаемъ совершенно справедливымъ, такъ-какъ у насъ хлѣбъ запасенъ только для своихъ рабочихъ, а не на продажу и отпускается по цѣнѣ 2 р. за пудъ, когда въ городѣ цѣна на хлѣбъ доходила 2 р. 85 к.; конечно, нѣкоторые изъ рабочихъ стали злоупотреблять большей выдачей и продавать въ городѣ съ хорошей выгодой, а имѣя-же одному одинъ пудъ долженъ хватать на полъ мѣсяца. А что касается до водки, будто-бы отпускаемой изъ лавки, то такая ложь, о которой мы не позволимъ себѣ никогда думать, такъ какъ обыкновенно, если понадобится когда управленію на порціи рабочимъ водка, то посылается въ городъ, а не отпускается изъ лавокъ, какъ пишетъ авторъ статьи. Вообще вся статья 41 номера газ. Киренска есть совершенная ложь и клевета на нашего хозяина, то и просимъ Николая Егоровича извинить насъ за ту несчастную личность, которая, вѣроятно по полученіи желаемаго имъ мѣста въ лѣсѣ пароходства, или отказываясь по своей несговорчивости, изволила обидѣть его совершенно безвинно. А Васъ, господинъ редакторъ, просимъ нашу жизнь не портить Вашими нашимъ заступничествами: мы люди свободные, слѣдовательно можемъ всегда говорить за себя сами и, когда нашъ будетъ выгодно, бросить и службу, а потому прежде чѣмъ писать обо насъ, подлаемъ, что не слишкомъ-бы спросить насъ объ этомъ, а то дѣлать непріятностей между хозяиномъ и его служащими; господину Николаю Егоровичу Глотову мы питаемъ большую благодарность и глубочайшее уваженіе, и Самъ Богъ, чтобы было по больше такихъ людей, легче жилось-бы!

Городъ Киренскъ, 2-го марта 1899 г. Остаемся съ искреннимъ почтеніемъ и уваженіемъ къ Вамъ: Вашъ покорнѣйшіе слуги Алексѣй Худенровъ, Августъ Дмитерь, Филиппъ Степановъ, Иванъ Кирилловъ, Александръ Алексѣевъ Зубковъ, Василій Бедеринковъ, И. Вахуленко, по безграмотству Петра Косиканова (? не разборчиво), Владиміръ Морозова и Василія Федосѣева.

не личной ихъ просьбѣ расписался Кременскій мѣщанинъ Иванъ Дзыковскій".

Думаемъ, что мы дали полное удовлетвореніе г. Гостову, реабилитирующее его въ его собственныхъ глазахъ. А теперь мы дадимъ удовлетвореніе самимъ себѣ. Достаславная наша справки указываетъ, что подписку отбирали сами рабочіе, изъ тѣхъ, что стоятъ близко къ Гостовской администраціи; что „большинство сдавалось на убѣжденіе представившихъ, изъ боязни непріятностей съ Гостовской администраціей"; что за всѣмъ тѣмъ, нашелся нес-таки одинъ, который отказался подписаться.

О характерѣ „убѣжденія" и добровольности подписей здѣсь понятіе слѣдующее полученное нами недавно письмо того самого г. Вакуленко, подпись котораго фигурируетъ подъ опроверженіемъ.

Управленіе г. Гостова въ Керескѣ въ опроверженіе фактовъ, изложенныхъ въ № 41 „Вост. Обозр." собрало всѣхъ рабочихъ, что учебчалось подлежъ успѣхомъ благодаря тому, что нѣкоторымъ предстояло, въ случаѣ неосгласіи, остаться безъ куска хлѣба. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, что „не-же, какъ и другіе, пришлось подписаться". Вотъ почему покорнѣйше прошу Васъ, если будетъ напечатано въ „Вост. Обозр." опроверженіе, помѣстить такъ-же и мой отказъ отъ предъявленной мной подписи подъ опроверженіемъ.

Служащій керосодстеи г. Гостова
Иванъ Вакуленко.

P. S. Не подвинься я подъ опроверженіемъ, то долженъ былъ-бы среди зимы остаться безъ куска хлѣба. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, что „не-же, какъ и другіе", пришлось подписаться. Вотъ почему покорнѣйше прошу Васъ, если будетъ напечатано въ „Вост. Обозр." опроверженіе, помѣстить такъ-же и мой отказъ отъ предъявленной мной подписи подъ опроверженіемъ.

Служащій керосодстеи г. Гостова
Иванъ Вакуленко.

Баку.

Вечеръ для учащихся, устроенный 21 апрѣля обществомъ взаимопомощи учителей и учительницъ, собралъ сравнительно немногочисленную публику. Въ общемъ, за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, останется, вѣроятно, около ста рублей. Нельзя не пожалѣть, что подобные вечера слабо посѣщаются; собственно говоря, для учащихся у насъ никакихъ развлеченій не устраивается и танцевальные вечера до нѣкоторой степени пополнили-бъ этотъ пробѣлъ.

Еще о крушеніи. Считаемъ необходимымъ исправить и дополнить замѣтку о крушеніи поѣзда у ст. Олгинской. Поѣздъ № 3 шелъ изъ Иркутска; крушеніе произошло благодаря лопнувшему рельсу. Пожаты три вагона—багажный, почтовый и пассажирскій III кл., послѣдній болѣе сильно. Почта и багажъ не пострадали. Ранено не 10 человѣкъ, какъ сообщалось, а 7, изъ нихъ четверо тяжело.

Навигація на Байкалѣ. Въ четвергъ 21 апрѣля въ Устье Селенги изъ Лиственничнаго ушелъ пробный пароходъ.

Ежемѣсячный журналъ „Сибирское Обозрѣніе", который, какъ мы уже сообщали, предполагали издавать въ Иркутскѣ гг. Левинъ и Перфильевъ, не разрѣшенъ и главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомило инициаторовъ, что имъ отказано въ ходатайствѣ.

Иркутская хроника.

Въ конторѣ редакціи „Восточнаго Обозрѣнія" получено на пользу голодающихъ Киренскаго уѣзда отъ г-на Кульженовой 10 руб. и г-на Катышевцева 10 руб.

Г. Н. Потанинъ имѣетъ со спутникомъ студентомъ петербургскаго университета г. Солдатовымъ въ нитовку 23 апрѣля выѣхали за Байкалъ въ Читу, откуда отправятся въ сѣверовостокъ Монголіи въ экспедицію.

Духоборы въ числѣ 4-хъ человѣкъ выѣхали изъ Иркутска на Лену, гдѣ сдуть на пауки и народы.

Навигація на Ленѣ начинается на дняхъ.

17 апрѣля на протокѣ р. Ангары купались два отчаянные молодыхъ человѣка, одинъ почт.-тел. чиновн. М., а другой актеръ Р.

Новый тарифъ. Въ непродолжительномъ времени будетъ введенъ въ дѣйствіе новый тарифъ,—замѣнъ нынѣ дѣйствующаго,—для провѣзда пассажировъ I и II классовъ въ особыхъ скорыхъ безпересадочныхъ поѣздахъ, обращающихся въ прямомъ сообщеніи между Москвою и Иркутскомъ, въ направленіи черезъ Тулу—Батраки—Челябинскъ.

20 апрѣля г-жа Н. Ф. Зяблѣвская дала концертъ съ благотворительною цѣлью (въ пользу благотворительнаго общества „Уголки моя печали" и „римско-католическаго"). Программа вечера состояла изъ музыкальныхъ произведеній: Шопена, Рубинштейна, Шумана, Листа и Монковскаго. Лучшими №№ программы, по нашему мнѣнію, были: фантазія F—moll и Ballade G—moll Шопена и la Campanella Паганини Листа, съ необыкновенными трудностями исполненія которой концертистка справилась прекрасно. VI рапсодія Листа вышла сравнительно менѣе удачно. Вообще-же г-жа Зяблѣвская играла, какъ и всегда, съ успѣхомъ, вполнѣ заслуженнымъ на этотъ разъ не только своимъ музыкальнымъ дарованіемъ, но также и весьма симпатичною отзывчивостью къ дѣлу общественной благотворительности.

Баку.

Вечеръ для учащихся, устроенный 21 апрѣля обществомъ взаимопомощи учителей и учительницъ, собралъ сравнительно немногочисленную публику. Въ общемъ, за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, останется, вѣроятно, около ста рублей. Нельзя не пожалѣть, что подобные вечера слабо посѣщаются; собственно говоря, для учащихся у насъ никакихъ развлеченій не устраивается и танцевальные вечера до нѣкоторой степени пополнили-бъ этотъ пробѣлъ.

Еще о крушеніи. Считаемъ необходимымъ исправить и дополнить замѣтку о крушеніи поѣзда у ст. Олгинской. Поѣздъ № 3 шелъ изъ Иркутска; крушеніе произошло благодаря лопнувшему рельсу. Пожаты три вагона—багажный, почтовый и пассажирскій III кл., послѣдній болѣе сильно. Почта и багажъ не пострадали. Ранено не 10 человѣкъ, какъ сообщалось, а 7, изъ нихъ четверо тяжело.

Навигація на Байкалѣ. Въ четвергъ 21 апрѣля въ Устье Селенги изъ Лиственничнаго ушелъ пробный пароходъ.

Ежемѣсячный журналъ „Сибирское Обозрѣніе", который, какъ мы уже сообщали, предполагали издавать въ Иркутскѣ гг. Левинъ и Перфильевъ, не разрѣшенъ и главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомило инициаторовъ, что имъ отказано въ ходатайствѣ.

Милостивый государь,
господинъ редакторъ!

Въ 17 номерѣ „Восточнаго Обозрѣнія" за текущій годъ помѣщено было письмо Г. Егора Синова, (въ подлинномъ-же письмѣ Егоръ Синекъ), который сообщаетъ о совершенной у него въ поѣздѣ № 4, слѣдовавшемъ въ Иркутскъ, между станціями „Мальта" и „Слюдянка", кражѣ разныхъ вещей изъ находившагося подъ скамьей вагона чемодана. Въ виду того, что на слѣдующій послѣ совершенія у Г. Синова кражи день, въ с. Усольскомъ, сельскій полицій надзиратель подозрительная личность съ разными цѣнными предметами (какъ напримѣръ: золотые дамскіе часы), есть нѣкоторое основаніе предполагать, что вещи эти украдены именно у Г. Синова.

Не откажите напечатаніемъ коротенькой редакціонной замѣтки сообщить о вышеизложенномъ Г. Синову и просить его указать свой адресъ редакціи или мировому судьѣ 5 участка Иркутскаго уѣзда.

Мировой судья Ростовцевъ.

Милостивый государь,
господинъ редакторъ!

До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторыя лица изъ Иркутскаго общества обвиняютъ меня въ неправильномъ выборѣ содержаніи половины сбора съ концерта, данного мной 20-го апрѣля.

Хотя по соглашенію съ распорядителями благотворительныхъ обществъ въ пользу этихъ обществъ и предназначалась только половина сбора и не по моей винѣ обѣ этомъ не было упомянуто въ афишахъ, я, во избѣжаніе превратныхъ толкованій, имѣю честь проводить при семъ всю полученную мною сумму 160 руб. съ покорнѣйшей просьбой передать эти деньги въ общество пособія учащимся для раздачи нуждающимся студентамъ.

Ядвига Залыская.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

(Гастроли бр. Адельгеймъ).

Гастроли трагиковъ братьевъ Адельгеймъ на нашей сценѣ начались трагедіей Гуцкова „Уріэль Акостъ". Театральная зала была полна публики, богатыри роль исполнялъ Робертъ. Адельгеймъ. Первые два акта зрительный залъ присматривался къ инверу игры гастролера, съ глубокимъ вниманіемъ слѣдя за мимикой, интонаціями голоса и движеніями артиста. Въ третьемъ и четвертомъ окончательно вниманіе публики. Глубокотрагическая сцена свиданія Уріэля съ сѣдой матерью и полные трагизма монологи, въ которыхъ онъ былъ выраженъ внутренній борцъ мыслителя—болѣе съ сердцемъ, оставили тронное одобреніе зрителей. Четвертый актъ въ сильнѣйшей, наиболѣе сильный по дѣйствію въ трагедіи, вызвалъ бурнѣ аплодисментовъ и произвелъ глубокое потрясеніе. Сцена отреченія проклятъ, сцена мастерства и прошла съ захватывающимъ интересомъ. Резюмируя высказанныя общее впечатлѣніе зрителей, мы пока воздержимся отъ детальнаго разбора игры Робертъ Адельгеймъ въ роли Акоста, скажемъ только, что дебютантъ обнаружилъ массу серьезной кропотливой работы, которой выразилась въ разнообразной мимикѣ, въ свободѣ техникѣ (дикціи), разнообразіи интонаціи и въ всякомъ тонѣ, что пришло называть технической стороной исполненія. Другой дебютантъ Рафаэль Адельгеймъ выступилъ въ небольшой роли дворянина Гаспара. Рафаэль Адельгеймъ всего появляется одинъ разъ въ 4-мъ актѣ. Что сказать о немъ кромѣ того, что предъ нами былъ воспитанникъ артистовъ не всѣхъ мелкихъ ученическій образъ представленія актуры школы, школа и дожмы тавкуда, кредуальной оплоть старого серебства, и какъ тонъ консервативнаго начала сила Ирвинга? Нѣмъ въ первый разъ прозвѣлся видѣть такое только, что безподобное исполненіе этой сравнительно незначительной роли Рафаэлемъ Адельгеймомъ открыло намъ новыя и характерныя стороны дарованія, имѣющуть въ сторону, которыя всегда успѣшнѣй въ исполненіи другихъ артистовъ. Поздравляемъ-же гг. Адельгеймъ съ успѣхомъ продолжать трудную и не всегда благодарную роль, такъ какъ на ихъ сторонѣ произведеніями классической драмы и трагедіи. Со времени существованія въ Иркутскѣ театра, почти съ полька, въ первый разъ на нашей сценѣ при полномъ составѣ. Адельгеймъ убѣдился повѣтка цѣлыхъ рядомъ спектаклей показать публику съ тѣми произведеніями, которыя должны служить воспитательнымъ и художественнымъ нѣлѣмъ театра.

Заканчивая настоящую замѣтку мы обязаны отмѣтить, что остальные исполнители весьма добросовѣстно отнеслись къ своимъ ролямъ, обнаружили не только знаніе ихъ, но и старанія подержать общій ансамбль. Въ постановкѣ трагедіи видна была опытная режиссерская рука, что и отражалось на исполнителяхъ. Бр. Адельгеймъ сами режиссируютъ пьесы. *Д. Дауэ—ко.*

Во второй спектакль была поставлена трагедія Шиллера „Разбойники". Зрительный залъ былъ

Али-Бей. Онъ нашъ старинный знакомый; по крайней мѣрѣ, насколько мнѣ помнится, онъ давалъ въ прошломъ году свое первое представленіе въ общественномъ собраніи и наша публика валомъ валила въ его „таинственную пещеру". А нынѣ онъ снизошелъ до простого балагана, и „пещера" стоитъ пустая. Такъ падаетъ искусство!

Сдѣлаемъ нѣсколько шаговъ въ сторону и передъ нами „Петрушка". За полтинникъ мы можемъ здѣсь наслаждаться творчествомъ русской народной фантазіи; беремъ билетъ и согнувшись въ три погибели—не лишнія предосторожность—входимъ въ балаганчикъ. Передніе ряды пустуютъ, но галерка биткомъ набита дѣтьми. Маленькая публика сердится, что Петрушка долго не выходитъ и громко ведетъ съ нимъ переговоры.

— Петрушка, ты усвуль, что-ли! выходи! командуетъ бойкій карапузъ въ отцовскомъ картузѣ и на босую ногу.

— А то мы домой уйдемъ, стращаетъ невидимаго Петрушку другой мальчикъ. Наконецъ, третій, видимо отчаянный въ выходѣ Петрушки, начинаетъ играть на его самолюбіи:

— Да онъ, робя, пьянъ напился, Петрушка-то, не выйти ему, однако, понѣ.

Желанная минута, наконецъ, наступаетъ, поднимается занавѣсъ и появляется самъ Петрушка. Онъ поздравляетъ публику съ праздникомъ и велитъ музыкѣ играть. Начинается представленіе. Нокеровъ много, но всѣ они похожи одинъ на другой какъ двѣ капли воды. Удивительно бѣдная фантазія у васъ, у русскихъ. Вся сущность петрушкиныхъ подвиговъ заключается въ томъ, что онъ никому и ни за что не хочетъ платить денегъ, а какимъ этого угощаетъ своихъ кредиторовъ здоровенными ударами палкой. Укомплектовавъ на смерть одного изъ нихъ, онъ пытается „принять" даже чорта, который хочетъ тащить Петрушку „въ адъ за его злодѣйства". Но чортъ оказывается здоровѣй Петрушки и подъ одобрительные возгласы публики тащитъ его на расплату.

Отъ Петрушки мы идемъ къ акробатамъ. Представленіе тамъ еще не начиналось. Въ маленькой комнатѣ, помѣщающейся рядомъ съ кассой, можно видѣть кучку дрожащихъ отъ холода людей, одѣтыхъ въ трико, которые молча и угрюмо тѣснятся къ мѣдному котелку. Надъ этимъ балаганомъ видна огромная надпись: кто хочетъ смѣяться—пожалуйте въ театръ! Скоро начинается представленіе и публика дѣйствительно хохочетъ. Появляется размалеванный клоунъ съ цѣлымъ запасомъ остротъ—публика смѣется. Акробатъ прилаживаетъ стулъ къ колеблющейся трапеціи—публика тоже смѣется. Смѣются даже тогда, когда на подмостки выходитъ дѣвочка лѣтъ семи, въ убогомъ, пищенскомъ трико. Она становится въ позицію и медленно начинаетъ сгибать туловище такъ, что голова ея касается до пятокъ. Старательно продѣлавъ эту операцію разъ десять, она раскланивается и съ перекошенной, жалкой улыбкой посылаетъ публикѣ воздушные поцѣлуи.

— Несчастный ребенокъ, басомъ говоритъ сидящая со мной рядомъ толстая баба—и говорятъ сущую правду: дѣйствительно, несчастный ребенокъ. Пойдемъ-те ка лучше къ каруселяхъ.

Такъ—цѣлая толпа. Преобладающимъ элементомъ являются, конечно, младенцы, и промышленные, и классическіе, и военные, и младенцы просто. Вотъ какая-то любящая, но скаредная мамаша привела съ собой цѣлую уйму ребятишекъ и торгуется съ содержателемъ карусели, справедливо замѣчая, что „оптомъ" можно прокатить и подешевле. Но содержатель смотритъ на дѣло иными глазами и негодующая мамаша поворачиваетъ свою „уйму" обратно. Смѣкнувшіе въ чемъ дѣло младенцы моментально разражаются дружнымъ, нечеловѣческимъ воплемъ и выбившаяся изъ силъ мамаша начинаетъ нагружать ими пустой вагончикъ. А вонъ верхомъ на деревянной лошадкѣ сидитъ крохотный гимназистикъ; карусель еще не привели въ дѣйствіе, но онъ уже заранѣе предвкушаетъ наслажденіе и даже жмурится отъ удовольствія. У него въ карманѣ 20 коп. и онъ имѣетъ право цѣлыхъ десять разъ прокатиться на любой лошадкѣ. Счастливецъ! А смотрите на сосѣдніе ему лица: какая-то баба удерживаетъ за руками своего мужа, здоровенного малаго съ рыжей бородой, который тоже желаетъ прокатиться. Баба его не пускаетъ и сердится.

— Ѳедя, брось, усовѣщиваетъ она, срамота вѣдь! Но Ѳедя не соглашается съ мнѣніемъ своей половины и подъ одобрительное гоготаніе толпы неуклюже лѣзетъ на деревянную лошадку. Получается картина дѣйствительно безобразная: Ѳедины ноги сдѣлываются шлоть до земли, и самую лошадку почти не видать подъ его тяжелой, плотно сидящей тушей. Кругомъ смѣются и баба приходитъ въ ярость.

— Смотрите, люди добрые, звонкимъ и злымъ голосомъ выкрикиваетъ она, смотрите какъ большой дурякъ на маленькой лошадкѣ верхомъ поѣдетъ. Ай да онъ, ай да молодецъ!

Насмѣшка попадаетъ прямо въ цѣль и тяжело ранитъ Ѳедино сердце. Толпа хохочетъ и Ѳедя съ угрожающимъ лицомъ слѣзаетъ съ лошади. Баба мгновенно прячется за спину городового и, чувствуя себя въ безопасности, начинаетъ ругаться.

— Ишь, налилъ зенки, храбро оретъ она изъ подъ „прикрытія", иди, пьяница, домой, покамѣстъ тебя въ часть не свели. Тоже дитятко выискалось, кататься надумалъ, дармоѣдъ, охальникъ эдакій!

Ѳедя чувствуетъ себя въ глупомъ положеніи, т. к. раздобыть изъ за спины городового свою вѣрную подругу жизни является дѣломъ прямо таки невозможнымъ. Онъ ограничиваетъ тѣмъ, что уходитъ, но на прощаніе зрестно грозитъ:

— Погодь-же ты яша!

День близится къ вечеру, публика расходится. Усталые музыканты выводятъ жидкіе, отрывистые звуки. Пьяныхъ попадается все больше и больше. Какой-то „Митричъ", ведомый двумя женщинами, упалъ на дорогу, и не смотря на отчаянные возгласы провожатыхъ, не хочетъ или не можетъ встать. И ухожу съ площади, замѣчтываю въ переулокъ, а въ ушахъ моихъ все еще раздаются тоскливые возгласы женщинъ: „Митричъ, да встанай-же! да встанай-же. Митричъ, ахъ ты Господи!"

П. Зоминъ.

На Тихвинской площади.

Какъ-то не особенно давно, передъ праздниками, въ редакцію мѣстной газеты поступила замѣтка, въ которой выражалось, что на Тихвинской площади будутъ открыты на праздники комическіе театры, Петрушки, акробаты и прочія затѣи, „заманчивыя для потребовательной толпы". Замѣтку эту почему-то не напечатали и хорошо сдѣлали. Интересно знать, кого именно подразумѣвалъ авторъ замѣтки подъ опредѣленіемъ „потребовательная толпа". Если онъ имѣлъ въ виду одну лишь „чернь непросвѣщенную", то, какъ мнѣ кажется, онъ зналъ въ легкую ошибку и какъ-бы это поделикатнѣе выразиться—нѣсколько преувеличилъ эстетическія наклонности иркутянъ. Какъ на знаменитыхъ когда-то „ситцевыхъ" балахъ никогда не было на одной горничной, такъ и на этомъ „народномъ" гуляньи почти не было той „потребовательной" толпы, о вкусахъ которой такъ снисходительно трактовалъ почтенный авторъ замѣтки. Но крайней мѣрѣ когда я шелъ на Тихвинскую площадь посмотрѣть, какъ забавляется „вашъ добрый русскій народъ", то его почти и не замѣтилъ: армяки, тулупы и взаимы скромно вотались по краямъ площади, любопытно глядѣя на проходящихъ взадъ и впередъ и только парѣдка какая нибудь уже черезчуръ смѣлая рубаха отвлекала публику съ праздниковъ и велитъ музыкѣ играть. Начинается представленіе. Нокеровъ много, но всѣ они похожи одинъ на другой какъ двѣ капли воды. Удивительно бѣдная фантазія у васъ, у русскихъ. Вся сущность петрушкиныхъ подвиговъ заклю-

бо заявили: „убирайся вонъ" и „гони его въ шеи". Но какъ бы то ни было, заявленіе Вотинцева произвело сильную сенсацію въ духѣ и добрая половина всего засѣданія на 13 апрѣля была посвящена этому вопросу.

Началось оно съ заявленія гг. Харламова, сказавшаго, что исторія эта облетѣла весь городъ и необходимо ее сегодня-же вырѣшить. Указавъ на тѣ безпорядки, которые въ данное время царствуютъ въ канцеляріи управы, гг. Харламовъ замѣтилъ, что лица, нанесшія оскорбленіе гласному, человѣку высоко поставленному въ общественномъ мнѣніи, до сихъ поръ остаются совершенно безнаказанными. Г. Харламовъ находитъ, что разъ избиратели вручаютъ интересы города какому нибудь гласному, то онъ, гласный этотъ, въ правѣ требовать уваженія къ своей личности вездѣ, а тѣмъ болѣе въ стѣнахъ думы, гдѣ онъ выразитель хозяиновъ. Оскорбленіе гласного является оскорбленіемъ всей думы и если не будетъ вырѣшено этотъ вопросъ, то остальные гласные стадно будутъ смотрѣть въ глаза своимъ избирателямъ. Напоминая, что г. Вотинцевъ сначала подалъ заявленіе, въ которомъ заявилъ весь этотъ инцидентъ, но потомъ взялъ его обратно, г. Харламовъ, въ видахъ общественнаго интереса, предлагалъ думѣ потребовать этотъ документъ отъ г. Вотинцева обратно, какъ уже официально имѣвшій разъ поданный. Документъ этотъ является принадлежностью думы, а никакъ не г. Вотинцева. Извинительныя письма, адресованныя къ Вотинцеву, говорилъ гг. Харламовъ, и читать лично не нахожу, что они составляютъ нечто оскорбленіе по адресу уже оскорбленнаго гласнаго. Они начинаются тѣмъ, что лица, его оскорбившія, были вынуждены такъ поступить.

Городской голова замѣтилъ, что для правильнаго вырѣшенія этого вопроса слѣдуетъ выслушать и другую сторону. А упоминать о письмахъ, которыхъ еще не читали, преждевременно.

Гг. Харламовъ заявилъ, что онъ сегодня ѣздилъ къ Вотинцеву, просилъ его пріѣхать въ думу, онъ обѣщалъ, но не явился. Взамѣнъ этого онъ прислалъ письмо, которое гг. Харламовъ просилъ позволить ему огласить. На просьбу эту городской голова отвѣтилъ отказомъ.

Г. Лѣвшинъ замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ городской голова является стороной и врядъ-ли можетъ предсѣдательствовать. Нѣкоторые гласные его поддерживаютъ. Такъ, гг. Тышко замѣтилъ, что городской голова является главнымъ распорядителемъ управской канцеляріи, а слѣдовательно человѣкомъ, причастнымъ ко всему этому дѣлу. Г. Тышко указываетъ думѣ, что завѣдываніе канцеляріей предполагаетъ сначала передать въ руки городского секретаря, но, несмотря на то, что дума санкціонировала это постановленіе, городской голова игнорируетъ постановленіе думы. Городской голова, по мнѣнію г. Тышко, не имѣетъ права предсѣдательствовать въ данномъ вопросѣ.

Послѣ довольно длинныхъ переговоровъ думы съ городскимъ головой, послѣдній соглашается передать предсѣдательство гласному П. С. Карзанову. Тотъ отказывается также, говоря, что въ данномъ случаѣ голова не надѣтъ.

Гг. Тышко приводитъ ту мысль, что городской голова, какъ начальникъ канцеляріи, является отвѣтственнымъ лицомъ за дѣйствія своихъ подчиненныхъ: возможно, что они дѣйствовали согласно данныхъ имъ инструкцій. Вообще гг. Тышко находитъ, что нельзя уходить отсюда, не разрѣшивъ предварительно поднятаго вопроса.

Гг. Кравецъ говоритъ, что если г. Карзановъ прометъ предсѣдательство, то соборные бумаги считаться ненаемными, т. к. г. Карзановъ должен бы быть утвержденъ въ этой должности губернаторомъ. Наконецъ среди всеобщаго шума г. Карзановъ занимаетъ предсѣдательское мѣсто и гг. Харламовъ проситъ позволенія огласить письмо г. Вотинцева. Въ письмѣ этомъ г. Вотинцевъ благодаритъ г. Харламова за участіе и прибавляетъ, что представленіе требуемыхъ документовъ онъ считаетъ излишнимъ, т. к. дума повѣритъ ему и такъ. Далѣе г. Кравецъ предлагаетъ прочесть находящіяся у него копіи съ извинительныхъ писемъ къ г. Вотинцеву. Авторы этихъ писемъ выражаютъ г. Вотинцеву свое соболѣзнованіе по поводу случившагося и хотятъ дружать что этого одинаково непріятный для обѣихъ сторонъ инцидентъ предѣлъ забвенію.

Гг. Харламовъ указываетъ на нѣкоторыя оскорбительныя выраженія, помѣщенныя въ письмахъ, по адресу Вотинцева, какъ напр., „нелѣпое будированіе", „своеобразное понниманіе своихъ обязанностей" и пр. Сами письма, говорилъ г. Харламовъ, уже намекаютъ, что жалоба Вотинцева является вполнѣ основательной. Гор. голова ставитъ вопросъ, что когда гласный, какъ Вотинцевъ, является въ думу за своимъ личнымъ дѣломъ, то кого представляетъ онъ изъ себя: гласнаго или публику? Пріняли бы этотъ гласный мѣшать заваленному работой Г. и вытаскивать изъ подъ его рукъ разные, не принадлежащіе ему документы. Слушай Г., говорилъ городской голова, человѣкъ совершенно новый, служитъ около года и могъ не знать гласныхъ Вотинцева въ лицо. Наконецъ, опять таки надо выслушать и ту, и другую сторону. Гласный же Харламовъ, по мнѣнію головы, является адвокатомъ Вотинцева и, слѣдовательно, лицомъ заинтересованнымъ.

Гг. Харламовъ говоритъ, что отъ Вотинцева онъ довѣренности не бралъ, а считаетъ себя также оскорбленнымъ поступкомъ служащихъ. Гор. голова приводитъ случай, когда на его глазахъ дѣлопроизводитель Голенекъ подверся замѣчанію со стороны публики, несмотря на то, что Голенекъ держалъ себя очень корректно.

Гг. Концевичъ заявилъ, что онъ слыхалъ отъ лицъ незаинтересованныхъ, будто по адресу Вотинцева не было сказано ни одного оскорбительнаго слова. По его мнѣнію необходимо сначала выслушать самого Вотинцева.

Гг. Кравецъ, рисуя порядки въ управѣ, напоминаетъ случай съ Макѣевскимъ, когда его, безъ всякой вины, г. Голенекъ хотѣлъ выдворить изъ канцеляріи. Городской голова замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ Макѣевскій былъ оплоденъ противъ Голенека, который требовалъ съ него причитающіяся въ кассу города деньги.

Гг. Л. Бѣлоголовый заявляетъ случай, когда довѣренный его брата также подвергся оскорбленію въ канцеляріи управы; на его просьбу что-то выдать отвѣтили отказомъ, заявивъ, что раньше онъ долженъ уплатить 100 рублей, слѣдуемые съ него по другому дѣлу. Городской голова замѣчаетъ, что какъ публика, такъ и гг. гласные очень дурно и арогантно обращаются со служащими. Если они, служащіе, и не имѣютъ права требовать уваженія къ своей личности, то всетаки съ ними надо обращаться хоть нѣсколько прилично. А я, говорилъ онъ, знаю случай, когда гласный обозвалъ служащаго въ управѣ „продажной шкурой". Вотъ подобное-то отношеніе къ людямъ и создаетъ въ концѣ концовъ хоть окуть, въ которомъ мы теперь принуждены кушаться.

Гг. Тышко настаиваетъ на скорѣйшемъ разрѣшеніи этого вопроса и предлагаетъ думѣ, если она сочтетъ нужнымъ, довести о дѣйствіяхъ городского головы до свѣдѣнія губернатора.

Гг. Поповъ говоритъ, что онъ не согласенъ съ гг. Тышко и по его убѣжденію дума не можетъ и не должна вмѣшаться на своего голову губернатору. Если дѣйствія городского головы были-бы неправильными, то можно подать вопросъ о преданіи суду и обсудить этотъ вопросъ. Вообще-же вопросъ о Вотинцевѣ такъ осложнился, что дума не знаетъ, гдѣ правда. Надо выслушать самого Вотинцева и его нравственная обязанность сдѣлать извиненіе, какъ на себя роль судилища, между тѣмъ какъ у насъ нѣтъ столько свободнаго времени, чтобы разбирать подобные вопросы, тѣмъ болѣе, что обѣ стороны отсутствуютъ.

Секретарь Майновъ говоритъ, что тотчасъ послѣ этого инцидента къ нему подошелъ Вотинцевъ, но не упоминалъ о тѣхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя приписываютъ служащимъ.

Гг. Харламовъ говоритъ, что прошелъ цѣлый мѣсяцъ со дня оскорбленія Вотинцева, а между тѣмъ городской голова ничего не сдѣлалъ по отношенію къ этимъ служащимъ. Онъ счелъ-бы себя удовлетворенныхъ лишь въ случаѣ примѣрнаго наказанія этихъ служащихъ.

Гг. Фатѣевъ находитъ, что вопросъ этотъ выяснился теперь окончательно: гласный оскорбленъ въ канцеляріи управы, городской голова держитъ, очевидно, сторону служащихъ и думѣ остается только просить Вотинцева остаться, выразивъ сожалѣніе, что онъ въ данномъ положеніи такіе случаи.

Гг. Поповъ, возражая требованію гласныхъ пріняться къ виновнымъ „примѣрное наказаніе", говоритъ, что примѣнить мѣры къ искорененію безпорядковъ въ канцеляріи зависитъ отъ городского головы, а на какъ не отъ думы. Подобныя требованія могутъ только зрѣнить ея достоинство.

Гг. Л. Бѣлоголовый находитъ дѣйствія городского головы достойными порицанія со стороны думы.

Гг. Тышко предлагаетъ баллотировать вопросъ: есть-ли въ управѣ порядокъ. Г. городской голова замѣчаетъ, что гг. Тышко вообще очень плохо относится къ управѣ и гласнымъ образомъ потому, что у него пышли съ послѣдней недоразумѣнія изъ за пожарной машины. Гг. Тышко говоритъ, что онъ считаетъ себя оскорбленнымъ городскимъ головой публично и выходитъ изъ состава гласныхъ. Никто, кромѣ суда, не можетъ доказать правоту или неправоту моихъ дѣйствій, а пока нельзя наносить такія голословныя оскорбленія. Въ думѣ происходитъ странный шумъ, почти всѣ вскакиваютъ съ мѣста; гг. Поповъ говоритъ, что дума глубоко скорбитъ по поводу случившагося и выражаетъ сожалѣніе, что городской голова могъ допустить подобное выраженіе. Дума выразила свое мнѣніе: гг. Тышко взялъ отказъ обратно. Гг. Тышко говоритъ, что только что происшедшая сцена лучше всего иллюстрируетъ тотъ вопросъ, который сегодня обсуждался. Онъ недоумѣваетъ, какъ городской голова могъ сказать подобную фразу.

Гг. Богдановъ говоритъ, что образъ дѣйствій гор. головы подтверждаетъ и обращеніе служащихъ къ гласнымъ: на засѣданіи присутствуютъ управскіе служащіе и городской голова при нихъ-же наносить оскорбленіе гласнымъ. Г. Харламовъ говоритъ, что послѣ такого инцидента немыслимо являться на думскія засѣданія. Гор. голова говоритъ, что если дума находитъ оскорбительными эти извинительныя письма, то онъ тогда увольте со службы провинившихся служащихъ. Раздаются голоса, что подобное соединеніе въ виновности этихъ служащихъ по женьшей мѣрѣ странно.

Гг. Поповъ находитъ, что прежде всего слѣдуетъ покончить съ вопросомъ о Вотинцевѣ, а потомъ заняться и послѣдующими инцидентами. А что касается до наказанія, то суть—не наше дѣло.

Гг. Тышко, отвѣтая на просьбы окружающихъ остаться въ думѣ, говоритъ, что быть при такихъ условіяхъ гласнымъ онъ считаетъ для себя обидными и унизительнымъ и проситъ занести въ протоколъ его отказъ. Городской голова также проситъ занести въ протоколъ то, что онъ въ продолженіи цѣлаго часа подвергался всевозможнымъ оскорбленіямъ и поношеніямъ, на него сыпались разные упреки, объявляли ему выговоры, хотѣли отдать подъ судъ и т. п. Все это, говорилъ онъ, происходило при публикѣ и никто изъ гласныхъ не подумалъ защитить голову. Г. Поповъ предлагаетъ городскому головѣ попросить извиненія у гг. Тышко. Городской голова отвѣчаетъ, что онъ извиняется только тогда, когда передъ нимъ извиняется г. Тышко. Гг. Тышко отвѣчаетъ, что въ чемъ состоило оскорбленіе изъ городского головы? Если тѣмъ, что я предлагалъ отдать голову подъ судъ—то это мое право; разъ я вижу, что дѣйствія или головы, или управы, или гласнаго—неправильны, то я могу требовать отдачи его подъ судъ. А если я говорилъ, что въ управѣ страшный безпорядокъ—то это мой обязанность. Мнѣ кажется страннымъ, что городской голова позволилъ себѣ выраженію, что будто я принуждаю къ такому дѣлу, какъ общественное управленіе, какіе то личные счеты, что будто я могу изъ-за чего то продать думу. Но кому—это уже чрезчуръ сильно и много сказано. Я очень жалѣю обо всемъ этомъ и мнѣ прискорбно за городского голову, что это все такъ случилось. Городской голова замѣтилъ, что если и были оскорбленія, то они были взаимны, виновнымъ-же онъ считать себя не можетъ. Въ концѣ концовъ дума единогласно рѣшила такъ: глубоко сожалѣя о случившемся инцидентѣ съ С. И. Вотинцевымъ, отправить ему отъ лица думы депутацію, состоящую изъ городского головы и двухъ гласныхъ и просить его остаться гласнымъ думы.

Изъ подгородныхъ селеній.

Въ то время, какъ правительство занято упорядоченіемъ землеползованія между крестьянами, мѣстные кулаки стараются урвать у населенія угодья, приносящія имъ кое-какіе доходы. Нынѣшнее лѣто, какъ слышно, землеустроительныя работы будутъ производиться въ балейской волости. И вотъ гг. балейцы изъ совѣстныхъ лѣсныхъ дачъ съ уриковскую волостью, отдали на срубъ „своему кормильцу и царьку, нѣсколько тысячъ десятинъ лѣса по берегамъ Ангары. Лѣсъ этотъ, какъ слышно, пойдетъ на слѣпки въ солеваренный заводъ. Лѣтъ 25 назадъ тутъ-же вырубено было огромное количество лѣса попойнымъ арендаторомъ завода Сиверсомъ. Какъ это могло случиться, мы уже не приложимъ. Вопросъ о лѣсахъ—одинъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ въ Сибири. Нѣсколько лѣсничихъ вотъ ужъ около трехъ лѣтъ заняты межеваніемъ и таксированіемъ сибирскихъ лѣсовъ. А тутъ какой-нибудь Разумѣевъ сноситъ на чистокъ тысячи лѣса для продажи.

„Бабьи сплетни" въ Сибири сдѣлали не громче и не чаще раздаются, чѣмъ въ Россіи. „Не битой" бабы вы не найдете ни одной. Самый смирный мужикъ считаетъ своею обязанностью хоть разъ въ годъ, въ престольный праздникъ, подъ пьяную руку поколотить свою подругу. А сколько несчастныхъ женщинъ, заколоченныхъ въ гробъ, забитыхъ до безумія и идіотизма, не говоря уже о томъ, что совершенно здоровой женщины положительно не найдете въ нашихъ деревняхъ. „Свои суды" относятся къ женскимъ жалобамъ на мужей иронически и отрицательно.

Недавно намъ случилось видѣть не старую еще женщину—лѣтъ 35—36, доведенную побоями мужа и свекрови до полнаго идіотизма и параличнаго состоянія. Семья мужа зажиточная; мужъ даже служилъ волостнымъ старшиной. Несчастная нянта изъ хорошей семьи, но отца уже нѣтъ въ живыхъ. Съ самаго замужества ее возненавидѣла злая свекровь, а за нею и мужъ, но ея навѣтамъ и по причинѣ пьянства и развратной жизни, началъ положительно тиранить несчастную. Были они и на судѣ и мужа нѣсколько разъ „обязывали" обращаться съ женою по-человѣчески, но побои и тиранія не прекращались. Зимой ее родные увезли въ городъ, въ больницу, но родные мужа взяли ее изъ больницы, завезли въ другую деревню и бросили сестрѣ несчастной, бѣдной и многосемейной женщины, гдѣ она и умираетъ. У несчастной 6 или 7 дѣтей. Жизнь ея была совершенно безупречна. И вотъ некому нѣдъ пристать за несчастную. Пишущій эти строки тоже не можетъ сказать, куда-же, наконецъ, обратиться за помощью такой несчастной? Добрые люди, скажите.

М. З.

Корреспонденціи.

С. Олинское, Олонской вол., Чит. окр. расположено на берегу р. Нерчи въ 60 в. отъ г. Нерчинска вверхъ по теченію. Волость наша можетъ служить образчикомъ неудачнаго распредѣленія волостей по округамъ. Отъ Читы, къ округу которой отнесено наше село, мы находимся въ 300 съ лишкомъ верстахъ, а отъ Нерчинска, который также является центромъ цѣлаго округа, наше село всего въ 50 верстахъ. Конечно, въ будущемъ это неудобство будетъ устранено. Расположено наше селеніе на правомъ луговомъ берегу Нерчи на совершенно ровномъ мѣстѣ. Крестьяне наши жируть, можно сказать, зажиточно: дома стоятъ все больше, крыты всѣ тесомъ, на каждомъ почти дворѣ амбаръ, а то и по два; у каждаго крестьянина занасено 5—10 саж. дровъ. Эта зажиточность объясняется, конечно, тѣмъ, что живемъ здѣсь вдвоемъ: „наши, сколько хошь, сколько силы есть; луговъ вдоволь; лѣсъ—въ 3—5 верстахъ!"—такъ говорятъ о своемъ привольѣ сами крестьяне. Здѣсь бѣдень только тотъ, кто не хочетъ работать; всякій трудолюбивый крестьянинъ здѣсь зажиточенъ*. Конечно, о такомъ привольѣ и такой зажиточности нашему „россійскому" крестьянину приходится только мечтать!...

Зажиточность и обиліе лѣса тѣмъ не менѣе не помѣшали крестьянамъ быть экономными при устройствѣ школы: крестьяне, не сознавая всей важности дѣла, поглядились заготовить „нужную" новой лѣсъ на школу, а, какъ зажиточный народъ, сложились и купили готовый небольшой срубъ и сдѣлали къ нему маленькую-же пристройку—и школа получилась для большого села настолько малой, что учительницѣ приходится помѣщаться на частной квартирѣ, на что ей общество выдаетъ только 3 р. въ мѣсяцъ. За такія деньги, конечно, квартиру найти даже и въ селѣ нельзя, а потому учительница изъ своихъ 25 р. въ мѣсяцъ должна прилагать за квартиру еще рубля 3.

Для священника выстроенъ новый, большой и удобный домъ.

Благосостояніе крестьянъ с. Олинскаго нынѣшней зимой сильно пошатнулось: въ селѣ не было чума на рогатомъ скотѣ, отъ которой и пало до 700 головъ; больше 500 головъ были зарѣзаны на мясо—безъ всякой нужды и надобности въ этомъ: „лишь-бы мясо не пропало"! Эти 1200 головъ составляютъ добрую половину всего Олинскаго села; другая-же половина была спасена тѣмъ, что зимовала на „зимникахъ" въ 5—8 верстахъ отъ села, въ поѣ. Благодаря такой бѣдѣ, какъ чума, повсюдной надъ с. Олинскимъ, всѣ сосѣдніе села установили карантинъ и одинцевъ со скотомъ и сѣномъ не пропускали никуда. Но жители с. Зюльзинскаго, лежащаго въ 15 в. отъ нашего села вверхъ по Нерчѣ, ужъ слишкомъ поусердствовали въ этомъ отношеніи: они не пропускали одинцевъ даже на пустыя сѣнокосныя угодья, расположенныя по лѣду мимо Зюльзинскаго въ верховьѣ Нерчи за лѣсомъ и, так. обр., многіе одинцевъ остались безъ лѣса и думаютъ уже затѣвать съ зюльзинцами судебный процессъ.

Оносъ. Къ сожалѣнію, почти ораваемается наше описаніе; высказанное въ прошлой корр., о плохомъ качествѣ лошадей, закупаемыхъ въ вѣдѣшемъ уѣздѣ для крестьянъ пострадавшихъ губерній Европ. Россіи. 20 марта въ Оносѣ на лѣвомъ берегу Иртыша ожидало окончательнаго пріема и посадки на поѣздъ около 2000 головъ клейменныхъ лошадей, приведенныхъ со степпи Оносскаго уѣзда. Эти лошади распадались на табуны управителей, которые приняли въ этомъ предпріятіи большое участіе. Табуны были составлены, по свидѣтельству лошадиныхъ писко-рослы, даже для Оносскаго уѣзда, гдѣ лошади вообще плохія, нѣжжены, всѣ не въ тѣлѣ,—среди ихъ 10% купаковъ и кумаканбайтаковъ, т. е. лошадей 3-хъ лѣтокъ. Киргизы-продавцы продуютъ худобу лошадей объясняя ссылкою на зимнее время, теперь, молъ, нельзя найти добрыхъ и сытыхъ лошадей. Это есть простой отводъ: нынче зима по всему степному краю и въ Ом. у. стояла самая благоприятная: киргизы не помнятъ такой хорошей зимы. Лошади нынче не исхудали до такой степени. Намъ показалось гораздо серьезнѣе объясненіе плохого качества лошадей, данное посторонними киргизомъ: этотъ послѣдній говорилъ, что лошади продаются безъ уплаты въ мѣстѣ денегъ—въ кредитъ,—и продавецъ-киргизъ, не увѣренный, что онъ получитъ свои деньги, потому что его не разъ надували, и видя, что съ него требуютъ лошадей, приводитъ какъ и оцѣниваетъ въ тридорога. Нѣкоторыя киргизы, что эти 2000 лошадей куплены за цѣну отъ 24 до 30 руб. Между тѣмъ 60% ихъ не выдерживаетъ никакой иной критики, какъ работоспособная лошадь, какъ той, которую нынче въ голодающихъ мѣстахъ принимаютъ въ своимъ лошадямъ крестьяне, говоря, что коли идутъ только по вѣтру, а противъ него не могутъ *). Если покупатели лошадей принѣняли этотъ критерій, то они несомнѣнно совершили закупку очень удачно: когда мы были въ тайгѣ, то дуэъ довольно сильно; вѣдь и лошади съ весною съ Иртыша свободно или противъ этого вѣтра. Если мы предположимъ, что по нашему необходимо въ интересахъ крестьянъ, что эти 60% будутъ при окончательномъ пріемѣ забракованы, то киргизы-продавцы окажутся въ затруднительномъ положеніи и съ убытками. Въ степи у нихъ купили, просили прислать и продержали въ Оносѣ. Въ числѣ этихъ 2000 лош. былъ табунъ въ 180 головъ одного оносскаго купца, который тоже постарался собрать всякую дрянь.

Надняхъ выѣхала изъ Оноса женщина-врачъ Н. М. Овчинникова, оставшая среди бѣдноты городского и окрестнаго населенія благодарную память. Въ то время, когда заѣзжіе доктора избѣгаютъ больныхъ, она лечила даромъ или за ничтожный говоранъ, въ 0.30 коп. или сколько можетъ. Къ сожалѣнію, она, не знія времени, не вела регистраціи своихъ кліентовъ, а это было-бы интересно. Передъ ея отъѣздомъ явился къ ней киргизъ, которому она сдѣлала удачную операцію съ катарактомъ глаза, и предложилъ ей другого больного. Она заявила, что не можетъ сдѣлать, такъ какъ уѣзжаетъ. Киргизъ, спросивъ, куда она уѣзжаетъ, выразилъ желаніе поѣхать за ней туда же, т. е. въ Ом. Неужели нельзя сдѣлать операцію въ уѣздѣ.

Правительственное сообщеніе. *)

18 марта къ безпорядкамъ примкнулъ также и Горный Институтъ, гдѣ собрана была сходка изъ 385 студентовъ (общее число слушателей названнаго учебнаго заведенія 485). На сходкѣ присутствовали делегаты Университета и Лѣсного Института, но, несмотря на старанія агитаторовъ, по произведенной баллотировкѣ только меньшинство присутствовавшихъ высказалось за обструкцію. Изъ числа послѣднихъ нѣсколько человѣкъ составили изъ себя нѣкоторую „группу инициаторовъ", которая и продолжала волновать товарищей путемъ выпуска бюллетеней и другихъ воззваній; лишь эти 26 марта, въ моментъ сходки, были задержаны, причемъ по произведенному тогда-же обыску найдены и вещественныя доказательства ихъ агитаціонной дѣятельности.

Затѣмъ, въ виду продолжавшагося волненія и невозможности правильнаго чтенія лекцій, было признано необходимымъ 21 марта уволить всѣхъ студентовъ Горнаго Института, съ правомъ подачи прошеній о пріемѣ, который производится по усмотрѣнію начальства.

Въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи волненіе, возникшее для поддержки Петербургскаго Университета, вслѣдствіемъ разосланныхъ циркуляровъ и оставленныхъ делегатовъ, выразилось въ нижеслѣдующемъ.

Москва.

Волненія среди студентовъ Московскаго Университета и другихъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній возникли съ первыхъ числъ февраля по поводу лишенія свиданій и непередачи посылокъ, причемъ, по, благодаря своевременно принятымъ со стороны учебнаго начальства и администраціи мѣрамъ, въ теченіи сдѣлано мѣсяца могли быть удержаны въ предѣлахъ, допускающихъ возможность благодушной части студенчества посѣщать лекціи и продолжать учебныя занятія въ Университетѣ.

При самомъ началѣ движенія изъ среды студенчества, выдвинулись нѣсколько лицъ, которыя, стараніемъ усилить безпорядки и полвести громадное большинство студентовъ, державшихъ себя спокойно. Въ дѣятельность этихъ лицъ было обращено вниманіе съ самаго начала университетскаго начальства, такъ и со стороны полиціи.

Принимая во вниманіе, что возникшее броженіе и между низшими мѣстными проходцы и конокрадами на почвѣ нерешенной амнистіи и вновь пущаемъ приблизительно большой надзоръ, а также полагая, что положеніе удлиняется само собой на время возобновленія учебныхъ занятій, было рѣшено, до наступленія всего, прежде всѣхъ удалить изъ мѣста жительства родныхъ, изъ числа вышеназванныхъ лицъ, 222 человѣка административнымъ порядкомъ, а Правленіе Университета со своей стороны исключило изъ числа своихъ 102 студентовъ. Университета, предвидя недостаточность предъ министромъ Народнаго Просвѣщенія о возвращеніи удаленныхъ по восстановленіи академическаго порядка.

Во исполненіе сего, съ 1-го же числа марта сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи въ Москву удаленныхъ по распоряженію администраціи студентовъ, кромѣ тѣхъ, которые, по мнѣнію виновныхъ въ агитаціи, коимъ пребываніе въ Москвѣ посредственно въ теченіи года, на основаніи Положенія объ охранѣ.

Лишившагося такого числа единомышленниковъ, часть студенчества, стоявшая за продолженіе безпорядковъ, тѣмъ не менѣе, продолжала всѣми способами поддерживать волненіе между товарищами, не смотрѣвшими на это, даже подъ предъ угрозами фанатическаго воздѣйствія *), и отношенія посѣщающихъ лекціи товарищей, фамиліи коихъ, неизвѣстно сего, распубликованы были для общаго свѣдѣнія.

Выпущенное по этому поводу 20-го февраля отъ имени „Группы борьбы противъ университетскаго режима" воззваніе съ обращеніемъ къ товарищамъ, указывало, что изъ за посѣщенія отдѣльными лицами лекцій Университета, „не закрыть" предъявлено нижеслѣдующее требованіе: „въ виду того, что наши цѣли окончательно велики и сравнимы съ нашими интересами обстоятельствъ отдѣвающихъ, въ виду того, наконецъ, что были бы глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ предлагать въ поводѣ этихъ предлаетъ для среды студентовъ принципъ свободы „воззвать" и „убѣждать", мы просимъ товарищей не принимать во отношеніе къ нимъ сегодняшнихъ мѣръ: уставленныхъ ихъ личностъ, мы предлагаемъ подвергнуть ихъ физическому воздѣйствію, считая при этомъ допустимыми всѣ формы и всѣ средства, между существованной уже предпосылки анти-общественныхъ элементовъ. Желательно только сдѣлать это съ минимумомъ риска и жертвъ, безъ свидѣтелей, съ малымъ числомъ участниковъ и т. п., что будетъ видѣть вниманіе за это дѣло".

Броженіе находило для себя пищу въ тѣхъ проклаваніяхъ и волненіяхъ, которыя изложены были студентами на имя Университетскаго Конкетовъ*, а также пропмалась въ Москву другихъ Университетскихъ городовъ. Особенно рвдкое въ этомъ отношеніи вліяніе имѣло воззваніе Университетскаго Конкетовъ, „обращенное ко всѣмъ мыслящимъ и организаціи", отъ 12 февраля, и появившееся въ Москвѣ прокламаціи „Къ учащейся молодежи", отъ имени „Союза Университетъ говорящихъ. Первое воззваніе указывало на цѣли студенческаго движенія, приводилъ такимъ „не минутное, быстро гаснущее вспышкой возбужденнаго чувства, а сознательный и свободно протестующій рефлексъ на ненормальности и на „близость того дня, когда изъ студенческихъ протестовъ вырастетъ общественное движеніе", а

*) Пословица гл. Шахонскаго № 73. 15 марта 1899.

*) Ибо, какъ гл. Шахонскаго № 73. 15 марта 1899.

*) *Русс. Вѣд.*

* Нѣкъ „Правительства. Вѣстн."

**) Чему и было нѣсколько прецѣдентъ.

увѣщавшую прекращенія „Къ ученейшей молодежи“ и „Новостей“ всѣхъ студентовъ со стороны резолюціонныхъ и указывала на важность движенія въ смыслѣ политическаго воспитанія молодежи, которое несомнѣнно должно лишь придти къ сознанію необходимости принимать въ активной борьбѣ съ правительствомъ.

По полученіи въ Университетѣ свѣдѣній о состояніяхъ 20 февраля Высочайшихъ повелѣній о разсѣяніи противъ петербургскихъ безпорядковъ, Исполнительный Комитетъ 23 февраля выпустилъ особое воззваніе о необходимости „прилагать прежнюю тактику впредь до выясненія дѣлъ и отмѣненіи высылкиихъ изъ Москвы товарищей“. 26 февраля подошедшее „воззваніе“ отъ студентовъ Императорскаго Техническаго Училища.

Несмотря на просьбы вѣдомствовъ Университета студентовъ, о закрытіи Университета, — закрытіе состоялось, не могла быть допущена до начала марта, и съ понедѣльника первой недѣли поста возможно было возобновленіе занятій въ Университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ распоясавшихъ по случаю Масленой недѣли. 1 марта на лекціи явилось сравнительно незначительное число слушателей (въ Университетѣ 450, Техническомъ Институтѣ 300, Сельскохозяйственномъ Институтѣ 25), причемъ медики одного изъ курсовъ, собравшись на сходку, отправили отъ себя депутацію къ ректору съ заявленіемъ, что студенты не могутъ существовать въ настоящее время, вслѣдствіе высланныхъ товарищей.

2 марта лекціи въ Университетѣ продолжались, за исключеніемъ лекціи профессора Соколовскаго, въ аудиторіи коего студенты, числомъ до 150 человѣкъ, стали шумѣть и фальшиво пѣть „Марсельезу“. Въ анатомическомъ театрѣ состоялась сходка при участіи болѣе 400 студентовъ, признавшихъ необходимымъ требовать: 1) возвращенія высланныхъ товарищей и 2) гарантіи на будущее время высылки безъ суда и слѣдствія по дѣламъ академическаго характера.

Въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы занятія въ это время возобновились.

3 марта лекціи въ Университетѣ посѣщались весьма немногими; въ 2 часа на дворъ собралась сходка болѣе 1.000 человѣкъ, внушающихъ матери, съ требованіемъ ректора, въ аудиторіи зала. По окончаніи сходки къ ректору отправлена была депутація, заявившая, что изъ числа 1.055 присутствовавшихъ 724 высказались за продолженіе обструкціи до удовлетворенія требованія правленія Университета о снятіи участи увольненныхъ студентовъ; по вопросу же о продолженіи обструкціи до обнародованія результатовъ разслѣдованія генералъ-лейтента Вановскаго, 800 голосовъ высказались противъ.

4 марта лекціи вновь слушались незначительнымъ числомъ; съ 12 часовъ началась сходка по факультетамъ, причемъ медицинскій и естественно-историческій факультеты заявили, что будутъ лекціи, и прочіе факультеты высказались за забастовку.

По слѣдующій день на лекціи явилось большое число студентовъ, но, по свѣдѣніямъ газетъ, лишь до 700; въ всѣхъ курсахъ происходили допущенныя ректоромъ собранія, участники коихъ, по произведенному подсчету голосовъ, высказались въ 822 за продолженіе обструкціи, а 822 за продолженіе ея.

6-го марта Университетъ посѣщало 1.829 студентовъ. Въ понедѣльникъ 8-го марта количество слушателей увеличилось еще болѣе, чрезъ 700 въ всѣхъ курсахъ происходили допущенныя ректоромъ собранія, участники коихъ, по произведенному подсчету голосовъ, высказались въ 822 за продолженіе обструкціи, а 822 за продолженіе ея.

6-го марта Университетъ посѣщало 1.829 студентовъ. Въ понедѣльникъ 8-го марта количество слушателей увеличилось еще болѣе, чрезъ 700 въ всѣхъ курсахъ происходили допущенныя ректоромъ собранія, участники коихъ, по произведенному подсчету голосовъ, высказались въ 822 за продолженіе обструкціи, а 822 за продолженіе ея.

Въ ученейшей молодежи „Университетскіе Новости“ выдержали прекращеніе обструкціи, а 822 за продолженіе ея.

6-го марта Университетъ посѣщало 1.829 студентовъ. Въ понедѣльникъ 8-го марта количество слушателей увеличилось еще болѣе, чрезъ 700 въ всѣхъ курсахъ происходили допущенныя ректоромъ собранія, участники коихъ, по произведенному подсчету голосовъ, высказались въ 822 за продолжені